

«ДОЛГИЙ ПУТЬ ВНИЗ»: ИССЛЕДОВАНИЕ НИКА ХОРНБИ

Книга Ника Хорнби – современное исследование самоубийства. Когда-то серьезные попытки препарировать самоубийство как социальное явление предпринимали Р. Бертон, Т. Де Квинси, Э. Дюргейм, А. Камю. Сегодня лишь несерьезным жанрам дозволено говорить о серьезном и быть услышанными, и «лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема» обосновалась в границах беллетристики [2, с. 106]. При этом жанровая атрибуция романа неоднозначна. Она определенно тяготеет к черному юмору, как отмечают рецензенты [3]. Создатели фильма выделили комедийное начало [5]. Нам же видится трагикомедия: этот формально прозаический текст явно балансирует на грани драмы. На протяжении повествования четыре рассказчика постоянно сменяют друг друга, будто на театральной сцене. Проникновенные монологи чередуются с эпатажными полилогами. Все это щедро приправлено визуальными эффектами. Да и сцена есть: крыша Топпер Хауса неминуемо ассоциируется с подмостками.

На сцене немолодая домохозяйка Морин, воспитывающая сына-инвалида, несостоявшийся музыкант-разносчик пищи Джей-Джей, некогда успешный телеведущий Мартин, отсидевший за изнасилование 15-летней девушки, и взбалмошная девица Джесс. В результате того, что автор считает необходимым предоставить право слова каждому из героев, мы повторно читаем об одних и тех же событиях. Это дает нам возможность еще раз убедиться в том, насколько относительна истина, и проанализировать с героями причины желания умереть.

Именно с этим намерением Мартин, Джей-Джей, Джесс и Морин поднимаются на крышу небоскреба в рождественскую ночь. Четверонеудачниковнастроенывыполнесерьезно: «I can explain it because it wasn't inexplicable, it was a logical decision, the product of proper thought» [3, р. 1]. Некоторые даже неплохо подготовились, вооружившись кусачками и стремянкой: желающим свести счеты с жизнью придется преодолеть ограду по краю крыши, установленную специально для таких случаев, ведь именно здесь в праздничные дни происходит наибольшее количество самоубийств в Нью-Йорке. Выбор хронотопа романа (а не сухие цифры статистики) помогает читателю с первых страниц осознать масштаб явления. В изображении массовости самоубийства автор достигает степень гротеска: пустынная крыша небоскреба превращается в сцену площадной драки.

В дальнейшем Н. Хорнби не раз напоминает: потенциальных самоубийц не четверо, их миллионы, это ты и я, это каждый.

Ирония в том, что массовость не осознается собравшимися на крыше и точно их не устраивает. Наоборот, каждый погружен в свою неповторимость и лелеет собственные суицидальные мотивы как нечто уникальное. А так ли они уникальны, должен разобраться читатель. Для этого персонажи прямо на крыше печально знаменитого Топпер Хауса (непосредственно после драки и некоторых препирательств) повествуют о себе. Автор предоставляет нам как четыре устных отчета, так и мысли, поступки, скрытые от посторонних глаз. Становится очевидным, что рассказы не вполне корректно отражают действительность. Частично это ложь, частично герои и сами себя не понимают.

Дальнейший сюжет построен на некоем соглашении четырех самоубийц протянуть живыми до следующей «даты», Дня всех влюбленных, и помочь в этом друг другу. Джесс уговаривает компанию ехать искать ее парня. В ходе поисков в духе одновременно джойсовском и кафкианском герои выдают свои тайные переживания. Мы узнаем об их прошлом, настоящем, желаемом и (не)возможном будущем. К сожалению, практически в середине повествование теряет свою драматичность и довольно шатко движется на ходулях, заботливо подставленных Ником Хорнби: поездке Морин и Джесс к бывшей жене Мартина, попытке собрать друзей и родственников в кафе, общем отпуске на Тенерифе... Событий в романе откровенно мало. Если продолжать читать его как драматический жанр, то «Долгий путь вниз» постепенно начинает походить на пьесу «В ожидании Годо». Если рассматривать произведение как исследование суицида, то имеющихся событий вполне достаточно для раскрытия характеров. Анализ, в отличие от фабулы, дается Н. Хорнби великолепно. Через препарацию мотивов четырех самоубийств он убедительно обнажает актуальные проблемы XXI в.

Из четырех неудачливых самоубийц наиболее архетипичен Мартин. Мартин – это Отелло. Вся жизнь Отелло – это постепенное приближение к идеалу Возрождения и стремительный крах. Вся жизнь Мартина Шарпа – постепенное приближение к идеалу XXI в. и стремительный крах. Причина самоубийства Отелло – в запятнанном его имя поступке. Лишенный чести, шекспировский герой может лишь умереть. Так рассуждает и Мартин. Имя его навсегда опорочено, а имя для известного телеведущего, как для ренессансного полководца, значит все. Теперь смысла в жизни нет: приличные каналы для него закрыты, друзья отвернулись, жена развелась, дочери настроены негативно, сбережения заканчиваются. А на простую обывательскую жизнь

современный Отелло не согласен. Правда, Мартин живет в XXI в., когда все Идеи обветшали, а колоссы измельчали. Поэтому самоубийство ему, конечно, не удастся, избранный способ (падение с высоты) свидетельствует о слабости и заурядности, а время спланированного самоубийства – тривиально до скуки. А главное, проступок Мартина – случайный секс с четырнадцатилетней девушкой – не просто далек от шекспировских страстей, а противопоставлен им.

Мотив Джесс, на первый взгляд, стар, как мир – это несчастная любовь. Однако откровения девушки постепенно открывают перед нами другой смысл этого выражения: Джесс страдает не по любви конкретного парня, а по эмпатии всего человечества. Она страстно хочет быть любимой семьей, родителями, настоящими друзьями. История Джесс показывает удивительное одиночество сегодняшнего человека в эпоху глобализма, когда вокруг всегда кто-то есть, и когда никого у тебя на самом деле нет.

Морин приводят к самоубийству страдания. И хотя страдания у каждого свои, с точки зрения суицидологии, ничего не изменилось со времен Р. Бертона или Э. Дюргейма. В ситуации Морин, единственной, нет ничего ироничного, комедийного или гротескного. Но XXI в. накладывает свою печать: если в другие времена ей дала бы утешение церковь, сегодня героине приходится довольствоваться сублимацией в виде низкооплачиваемой работы.

Причины самоубийства Джей-Джея кажутся, на первый взгляд, абсолютно несерьезными. То ли он сюда случайно заглянул с коробкой пиццы, то ли ему нечем заняться, удивляется читатель на первых страницах. И лишь самоанализ героя постепенно открывает глубочайший кризис личности. Проблема Джей Джея в конфликте состояний «быть» и «казаться». Перед ним встает естественный вопрос: стремиться к оправданию возложенных на него надежд, уйти от всеобщего разочарования или заняться скромным, но любимым делом. Способность героя ответить на этот вопрос, с точки зрения автора, решает проблему самоубийства. Ник Хорнби пытается доказать, что потенциально на это способен каждый из нас, не зависимо от мотивов: в День всех влюбленных все четыре наших героя живы.

Финал романа все же остается открытым. Как именно Джей-Джей, Морин, Джесс и Мартин ответят на свои вопросы, мы не узнаем. Нет истин в последней инстанции. Нет решений, после которых нет выбора. Нет однозначности и уверенности. Герои расходятся, как актеры после отыгранного спектакля.

Литература

1. Камю, А. Миф о Сизифе: Эссе об абсурде // Миф о Сизифе. Бунтующий человек / А. Камю. – Мн.: Попурри, 2000. – С. 13-142.
2. A Long Way Down by Nick Hornby: Reviews. Metacritic [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.metacritic.com/books/authors/hornbynick/longwaydown>. – Дата доступа: 15.06.2016.
3. Hornby, N. A Long Way Down / N. Hornby. – London: Penguin Group, 2005. – 352 p.
4. Lodge, G. Review: Aaron Paul and Pierce Brosnan fall “A Long Way Down” in dismal comedy // HITFIX [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hitfix.com/in-contention/review-aaron-paul-and-pierce-brosnan-fall-a-long-way-down-in-dismal-comedy>. – Дата доступа: 17.06.2016.